

Чоробаева Н.А., Исанаева Ч.

**“ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ” И “МЕЛОЧНОСТЬ” В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л.ТОЛСТОГО
«ВОЙНА И МИР»**

Аннотация

В этой статье рассмотрен вопрос генерализации и мелочность образов в романе Л. Толстого «Война и Мир», сделан анализ индивидуально личностных преломлений общечеловеческого начала.

П. Громов в своей работе “О стиле Л. Толстого. Диалектика души в “Войне и Мире” дает определения терминов “генерализация” – обобщающе-психологические положения: “мелочность” – анализ индивидуально личностных преломлений общечеловеческого начала.

Во первых, Толстой хотел изображения, которое было бы “не описанием”, во вторых, он соотносил “генеральное” с “мелочным”.

К большой линии, охватывающей поведение данного лица, добавляется маленькая черточка, благодаря которой весь образ становится видимым и целым. Между характером персонажа и отдельной его приметой находится пустота, заполняемая воображением. Толстой-художник задолго до “гештальт-психологии” знал: достаточно дать немногие опоры нашему воображению, чтобы оно восстановило полноту образа. Из внешности красавицы Элен Курагиной нам известны лишь ее ослепительные плечи, стан, неподвижная улыбка. Но уже в этом показаны особенности ее красоты- сильной и лишенной человечно изящного и тонко женственного. Плечи и неподвижная улыбка своятся в одно целое с тем, что нам ведомо о ее разврате и подлом эгоизме. Разумеется, мы не видим Элен, а как бы ее видим, но возникающий при этом образ ярче и определеннее, чем если бы мы знали, какие у нее черты лица, какой голос, движение и т. п. Все это, оказывается, можно опустить не только без вреда, но даже с пользой для цельности образа.

Но принцип остается тем же: не описание, а приметы, замыкающая связь внешнего и внутреннего, - читатель не пассивно принимает образ из описания и перечисления признаков, а активно синтезирует его воображением.

В отрицательной, негативной линии книги “мелочность”, обнажающая “генерализацию”, откровенно выражает авторское отношение. Очень грубые и явно механические образы неприкрыто зло выявляет авторскую оценку.

Истории первой женитьбы Пьера Безухова предшествует не большой пассаж “генерализующего” типа об общих качествах князя Василия Курагина: “Князь Василий не обдумывал своих планов, он еще менее думал сделать людям зло для того, чтобы приобрести выгоду. Он был только светский человек, успевший в свете и сделавший привычку из этого успеха. У него постоянно, смотря по обстоятельствам, по сближению с людьми, составлялись различные планы и соображения, в которых он сам хорошенько не отдавал себе отчета, но которые составляли весь интерес его жизни...”

Он не говорил себе, например: “ Вот этот человек теперь в силе, я должен приобрести его доверие и дружбу и через него устроить себе выдачу единовременного пособия “ или он не говорил себе: “ Вот Пьер богат, я должен заманить его жениться на дочери и занять нужные мне сорок тысяч”, но человек в силе встречался ему, и в ту же минуту инстинкт подсказывал ему, что этот человек может быть полезен, и князь Василий сближался с ним и при первой возможности, без приготовления, по инстинкту, льстил, делался фамильярен, говорил о том, о чем нужно было”.

Пьер, с точки зрения Курагина, неприлично затягивал ситуацию, медлит, колеблется, в совершенно готовом уже спектакле ни как не может пойти на долгожданную развязку. Курагину приходится ее формировать. После одного из вечеров, когда все длится и длится и никак не разрешается “затянувшаяся развязка”, князь Василий в свойственной ему манере разыгрывает то, что она будто бы совершилась, будто бы имело место со стороны Пьера предложение, которого на самом деле не было.

“Князь Василий нахмурился, сморщил рот на сторону, щеки его запрыгали с свойственным ему неприятным, грубым выражением, он, встряхнувшись, встал, закинул назад голову и решительными шагами, мимо дам, прошел в маленькую гостиную. Он скорыми шагами, радостно подошел к Пьеру. Лицо князя было так необыкновенно-торжественно, что Пьер испуганно встал, увидав его.

- Слава богу! – сказал он.- Жена мне все сказала! – он обнял одною рукой Пьера, другою- дочь. – Друг мой Леля! Я очень, очень рад. – голос его задрожал. – Я любил твоего отца... и она будет тебе хорошея жена... бог да благословит вас!... – он обнял дочь, потом опять Пьера и поцеловал его... (Толст.)

Он в своем роде тонкий психолог, князь Василий, он знает характеры людей, не понимая существу, что происходит с Пьером, он хорошо знает вместе с тем, что он ставит Пьера в безвыходное положение, что тот не может и не будет опровергать эту ложь и поддается насилию.

Н.Н. Страхов в статье “Спорное признание” проницательно сопоставил характеры Кутузова и капитана Тушина как воплощения некоторых общих и глубоких особенностей народного характера.

“– Каким образом в центре оставлены два орудия?”- спросил Багратион после Шенграбенского сражения.

На пороге показался Тушин, робко пробиравшийся из-за спин генералов. Обходя генералов в тесной избе, сконфуженный, как и всегда, при виде начальства, Тушин не рассмотрел древка знамени и споткнулся на него. Несколько голосов засмеялось...

Что прикрытия не было, этого не сказал Тушин, хотя это была сущая правда. Он боялся подвести этим другого начальника и молча, остановившимися глазами, смотрел прямо в лицо Багратиону”.

Андрей Болконский выводит Тушина из опасного затруднения. Он одинаково смело идет “дорогой части” под выстрелами на поле боя, и в штабной избе.

“ Ваше сиятельство, - прервал князь Андрей молчание своим резким голосом, - вы меня изволили послать к батарее капитана Тушина. Я был там и нашел две трети людей и лошадей перебитыми, два орудия исковерканными и прикрытия никакого. Князь Багратион и Тушин одинаково упорно смотрели теперь на сдержанно и взволнованно говорившего Болконского.

- И ежели, ваше сиятельство, позволите мне высказать свое мнение, - продолжал он, - то успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой, - сказал князь Андрей и , не ожидая ответа, тотчас же встал и отошел от стола”.

Повесть о капитане Тушине ближе всего к пушкинскому идеалу простоты и правды. Этот отрывок из эпопеи Толстого имеет свою завершенность в художественном и психологическом отношении. Вместе с тем это был ответ Толстого на вопрос о том, кто является настоящим “деятелем истории”, когда речь идет о великих событиях о народной жизни. Таким образом, в крупных и ясных чертах изображена нам Россия 1812 года, масса людей, которое как масса людей, которое знают, чего от них требует их человеческое достоинство, - что им следует делать по отношению к себе, к другим людям и к родине.

С каких генерализующих позиций Толстой изображает процесс развития человека?

Толстой показывает, как в одних и тех же ситуациях люди по разному ведут себя. Человек, по Толстому, ощущает себя свободным только в каждое мгновение “настоящего времени” согласовать свою волю с велением нравственного закона, т.е. совести. Толстой упорно следит за тем, как человек пользуется “настоящим временем”, после чего поступок, совершенный свободно, включается в общий ход истории, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение.

Итак, психологизм творчества Л.Н. Толстого связан с его мировоззрением. Л. Н. Толстой оставил “Дневник” – уникальный литературно-психологический документ “диалектики души” и своеобразное философское произведение, затрагивающее корневые и животрепещущие для всякого времени проблемы. Авторы дневников всегда удивляла податливая пластичность, непостоянство и непоследовательность душевного мира личности, способной меняться до неузнаваемости и причудливо сочетать в почти неопределимых пропорциях “поэзию”, и “прозу”, “счастье” и “несчастье”, “добро” и “зло”.

Среди заветных желаний писателя находился замысел издания такого художественного произведения, в котором ясно показалась бы “текучесть человека, что он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо”.

В непрерывном смешении добра и зла, в невидимой пульсации их сцеплений и сопряжений, он пытается выявить основные закономерности и побудительные мотивы человеческого поведения: “влечение плоти и души человека к счастью есть единственный путь к понятию тайн жизни”. Все люди стремятся к счастью, т. е. к обладанию какой-то частью окружающего мира, доставляющей наибольшее удовольствие.

Истинное счастье, по Толстовскому, основано на спокойной совести и творчестве добра. “Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни- это без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда все, что попало, и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального”.

Осознавая своеобразное возмездие за чисто рассудочную деятельность в тех областях, которые намного шире и глубже ее возможностей, писатель отмечает: “Я прежде думал, что разум есть главное свойство души человеческой. Это была ошибка, и я смутно чувствовал это. Разум есть только орудие освобождения, проявления сущности души-любви”.

“Нравственность не может быть ни на чем ином основана, кроме как на сознании себя духовным существом, единым со всеми другими существами и со всем. Если человек не

духовное, а телесное существо, он неизбежно живет только для себя, а жизнь для себя и нравственность несовместимы”.

Толстой был непоколебимо убежден, что несовместимую с подлинным прогрессом “ жизнь для себя” невозможно исправить “ цивилизацией” и “ революцией”, “ наукой” и “ экономикой”, не врачующими, а лишь утончающими эгоистические начала человеческой природы. Преодолеть же эти начала и способствовать духовному росту нельзя с помощью каких-либо декретов, внешних узаконений или словесных проповедей. Необходимо, считает писатель, начинать с себя, с конкретных действий по собственному жизнеустроению.

По логике автора “ Дневника”, влияние душевного мрака и несовершенства, различные по степени и особенностям, но не искоренимые до конца в любом человеке, по невидимым каналам распространяются вокруг. И малейшие наши злые помыслы, слова и поступки распространяются все дальше и дальше в пространстве и времени, незримо отпечатываются в душах окружающих и подвигая их к проявлениям зависти или гордости, властолюбия или раболепия. Таким путем накапливается в мире отрицательный духовный потенциал, питающий происходящие в нем злодеяния. Своим же внутренним благолепием, увеличением света любви в собственной душе каждая личность существенно изменяет сознание других к лучшему, поскольку ничто так нравственно не ободряет людей, как живой пример полной согласованности слова и дела, целей и средств.

Именно это не только сдерживает распространения зла в мире, но и способствует усилению потенциала добра в нем. С чрезвычайной настойчивостью Толстой повторяет на многих страницах “ Дневника”, что единственный выход из безнадежных социальных тупиков состоит именно в умении жить любовной жизнью.

И совершенное прочтение произведений Л.Н. Толстого предполагает постижение глубины его психологизма, философских мыслей с глубокими гуманистическими призывами к жизни, имеющими огромное воспитательное значение.

Литература:

1. Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. – М.: Изд-во МГУ, 1978.- С.72.
2. Днепров В. Изобразительная сила толстовской прозы// в мире Толстого: Сб. статей- М.: сов. Писатель, 1978-С.54,55
3. Громов П. О стиле Толстого. “Диалектика души” в “ и мире”. – М., 1977.-С.16
4. Громов П. О стиле Л. Толстого. “ Диалектика души” в “ Войне и мире”. М .1977-С.41.
5. Курляндская Г.Б Нравственный идеал героев Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.- Просвещение.- 1988.- С.43, 46.
6. Страхов Н.Н спорное признание// Бабаев Э.Г. Лев Толстой русская журналистика его эпохи. – М . Изд-во МГУ.1978.- с.96.
7. Тарасов Б. Учиться жить любовной жизнью// Литература.-1966.-Сент.-№34.
8. Толстой Л.Н (III418, 419)

9. Толстой Л. Н(ПЗ39).

10. Толстой Л.Н. (П.400).

Рецензент: ф.и.к. Айдаралиева А.С.